

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	
Мертвец.....	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Пришедшие и взявшие

Глава 1	
Шествие побеждённых	16
Глава 2	
От бога ветер.....	26
Глава 3	
Брать всё	34
Глава 4	
Через Верхотурье.....	44
Глава 5	
Пока плывут большие рыбы	53
Глава 6	
Тюменский схимник	67
Глава 7	
Карета азиата.....	78
Глава 8	
Архитектон.....	90
Глава 9	
Конклюзии.....	100
Глава 10	
Кто кому платит.....	110
Глава 11	
Следуя «Ынструкции».....	122
Глава 12	
Царь в гостях.....	133
Глава 13	
Вор у вора.....	143
Глава 14	
Прореха Мазепы.....	152

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Луна всех варваров

Глава 1	
Пиетисты.....	164
Глава 2	
Войти в «тёмный дом»	176
Глава 3	
Четыре Корабля	190
Глава 4	
Свыше уготовано	201
Глава 5	
Дела северных варваров	212
Глава 6	
Богдойский албазинец	224
Глава 7	
Возничий и гончар	235
Глава 8	
Владыки волчьих стай.....	244
Глава 9	
Царь Сибирь любит	256
Глава 10	
«Бисмилла!»	267
Глава 11	
Прорва.....	279
Глава 12	
Течение великих рек	290
Глава 13	
С лихвой	303

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Вера или воля

Глава 1	
Христос в темнице.....	318
Глава 2	
«Сия собака».....	331
Глава 3	
Примирение с тенью.....	341
Глава 4	
«Ключом железным».....	353
Глава 5	
Глаза Чигирь-звезды.....	363
Глава 6	
Сестра и плеть.....	377
Глава 7	
Поневоле.....	387
Глава 8	
«Ино ещё».....	398
Глава 9	
Биармийская полночь.....	409
Глава 10	
«Прости, что не тебя!».....	419
Глава 11	
Чужое золото.....	433
Глава 12	
Когда сошлись дороги.....	443
Глава 13	
Замордованные.....	458
Глава 14	
Нужды Отечества.....	472

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Тигры перед дракой

Глава 1	
Кода — Конда	488
Глава 2	
Дракону в пасть.....	503
Глава 3	
Чаша Нищих.....	513
Глава 4	
Ен-Пугол.....	529
Глава 5	
Корчемщики.....	546
Глава 6	
Мирная скотина китоврас.....	557
Глава 7	
Обер-комендант.....	568
Глава 8	
Спасти казнокрада.....	580
Глава 9	
Ванька-фицер.....	594
Глава 10	
Бегство неистовых.....	608
Глава 11	
На дороге прах.....	619
Глава 12	
Незванный гость.....	633
Глава 13	
Царь Сибири.....	642

Пролог

Мертвец

Пьяный Пётр промахнулся ботфортом мимо стремени и едва не упал, но удержался за луку седла. Сашка Меншиков тотчас без колебаний рухнул коленями в лужу, поднял обеими руками заляпанную грязью пудовую ногу императора и вставил носком сапога в стремя, а потом, натужно хохотнув, подсадил государя на лошадь. Лизетта, соловая кобыла, стояла смиренно и лишь подрагивала хвостом — она и не такое видала. Пётр разбирал поводья. Меншиков незаметно от царя вытер ладони о шелковистый бок Лизетты.

Конечно, государь перебрал мальвазии на галере, пока вместе с Сашкой плыл от Адмиралтейства к причалу Троицкой набережной, но он всё равно бы напился — не на галере, так в Коммерц-коллегии у Апраксина. У Петра опять нестерпимо болел живот, словно дьявол сидел в брюхе и накручивал кишки на локоть. Пётр знал: эта боль заполнила бы всё тело и даже голову, а теперь хотя бы из головы её вытеснил дурной и тяжёлый хмель.

На адмиралтейские верфи Пётр ездил посмотреть, как идёт тимберовка «Леферма» — потрёпанного в боях французского фрегата, который в Лондоне приглянулся Федьке Салтыкову, и Федька его купил. «Леферм» шесть лет ходил на Балтике, потом его перегнали в Петербург. На Неве с корабля сняли все пушки и мачты, две палубы, фальшборты и обшивку выше ватерлинии, а корпус кабестанами

выволокли на стапель. Деревянная туша фрегата, зияя пустотой между шпангоутов, покоилась на опорах-кильблоках под мелким ингерманландским дождём. Рядом с мокрой громадиной морского корабля Пётр чувствовал свою человеческую мелкоту. Величие корабля всегда по-юношески волновало его, даже теперь, когда терзала боль. Федосейка Скляев, адмиралтейский строитель, устроил государю визитацию «Леферма». Петру приятно было видеть упрямое муравьиное копошение работы, густо облепившее фрегат: десятники орали и размахивали руками, грузчики поднимали на таях длинные тёсанные доски, плотники приколачивали бортовины, конопатчики стучали колотушками. На царя никто не обращал внимания.

С верфи Пётр отправился в Коммерц-коллегию, где его ждал граф Апраксин. По Неве государя везла сорокавёсельная шхерная галера. С её косых латинских парусов стекала вода. На открытой корме был установлен балдахин, и Сашка Меншиков угощал Петра обедом с мальвазией и музыкой. Холодный осенний ветер гнал по реке тугую волну, балдахин хлопал и махал кистями, задранную корму галеры обдавало порывами водяной пыли. Несчастных шведов-музыкантов мутило от качки, усатый скрипач порой проскальзывал смычком по струнам, и скрипка взвизгивала. Пётр пил из кубка и смотрел на просторную мрачную Неву: галеры, шлюпки, карбасы, плашкоуты с грудями мешков, вельботы, караваны барок, идущие с Ладоги, голландские шнявы, два новых фрегата с выючимися на ветру флагами, длинные вереницы плотов с домиками плотогонов... С грузного прама, пришвартованного у Петропавловской крепости, бабахнули три пушки: может, учения, а может, увидели на галере брейд-вымпел императора.

На дощатом пирсе Троицкой набережной Петра ожидал продрогший эскорт — адъютанты, вестовые, офицеры гвардии. Растрёпанные отсыревшие плюмажи торчали, как цветное сено. Подсаженный Меншиковым, Пётр с трудом

взобрался в седло и оглянулся на галеру. Усатый скрипач-швед уже метнулся к борту и свесился над водой, раскорячив ноги: его тошнило.

Императорская кавалькада двинулась к зданию коллегий.

— Сашка, поди поближе, — окликнул Пётр.

Меншиков сразу же подъехал, широко улыбаясь, словно ждал похвалы. Копыта лошадей чавкали по слякоти.

— Почто у тебя музыканты — шведы? — устало спросил Пётр. — Я же приказал: как заключим мир с королём Фредриком — всем пленным воля.

— У меня не шведы, государь, — тотчас отпёрся Сашка. — Я сих молодцев у Покровского монастыря в Пскове откупил.

— Думаешь, я русскую рожу от шведской не отличу?

— Не отличишь, государь, — убеждённо сказал Меншиков.

Пётр вытащил из-за отворота рукава исписанную бумагу, скомкал её и швырнул Сашке в плутовскую морду.

— Они мне жалобу сунули, когда ты за руль встал. Плачутся, что ты у них пашпорты в свой шкатул запер и держишь их тут беззаконно.

Меншиков обиженно надулся.

— Ты сам в Сенате нам говорил не спешить шведов отпускать, ежели они мастерство знают!

— Так то про корабельщиков и оружейников сказано! — злобно рявкнул Пётр. — Не про твоих свистоплясов! Ради своей потехи ты императорским словом зад подтираешь?

— Прости, Алексеич, — виновато сказал Меншиков. Физиономия у него сразу стала несчастной. — Я думал, семеро бандуристов — велика ли беда?

Пётр только бессильно дёрнул лошадь за поводья.

Лизетта спотыкалась в грязи, и её рывки отзывались в животе Петра толчками тупой боли. Пётр уже осознал, что эта болезнь убьёт его. Не спасут ни амстердамские лекари, ни марциальные воды. Он видел немало смертей — в петле,

от пыток, под топором палача, от осколков гранат, вспоровших тело. Он знал, что содержится внутри у человека, и у него внутри такие же потроха, как у всех. И он тоже умрёт, и довольно скоро, и ему было очень страшно превратиться в труп, как превращались многие знакомые ему люди. И всё же у него была надежда уцелеть, выкупить себя у бога. Выкрутился же этот шельма — Сашка Меншиков. Три года назад Пётр хотел его судить за воровство и казнить, и Сашка от ужаса пал в перины и сам чуть не сдох. Он не притворялся, а по-настоящему захаркал кровью; его корёжило в припадках и трясло от лихоманки. Врач сказал, что у него «феба» в груди и пора его соборовать. Пётр у одра простил грешного друга — и Сашка вдруг исцелился.

И вот он опять рядом, и пьёт, и баб портит, и ворует.

Сашку исцелил он — царь, помазанник. А его самого исцелит царство. Империя. Он достроит свою империю, и бог его помилует. Империя — это фрегат, который увезёт его из болезни. Его спасение и награда. Пётр понимал, что верить в такое — наивно, однако надо же было во что-то верить. Вот мореплаватель Магелланус уверовал, что земля круглая, и поплыл на запад в неведомый простор, отказавшись поворачивать обратно: дескать, ежели вера его истинна, он вернётся домой с другой стороны мира, а ежели вера ложна, то пропадёт чёрт знает где. И он, Пётр, тоже как Магелланус.

Троицкая площадь была полна народу. Офицеры, чиновники, солдаты, извозчики, матросы, денщики, посыльные... Разодетые иноземцы стояли на галерее аустерии под большой вывеской с портретом Петра и курили трубки. В приземистом Троицком соборе шла служба. А железный купол собора — ржавый, заметил Пётр. Говорил же он Сашке поменять железо — и что?..

По периметру площадь окружали деревянные дворцы: Сенат, Синод, таможенное казначейство, коллегии. В центре — так, чтобы из всех казённых окон было видно, — возвышалась виселица, и на ней висел растрёпанный полуистлевший

мертвец. Булыжная вымостка на площади, набитая десять лет назад, уже пришла в негодность: зыбкая земля местами просела, булыжники выщербило из кладки, наводнения на-тащили грязь. Повсюду вольно распростёрлись размашистые бурые лужи, через которые там и сям были перекинуты ко-рабельные трапы. В глубоких выбоинах застряли несколько карет на больших и тонких колёсах. Кавалькада Петра еле продвигалась по колдобинам.

— Сашка, ты обещал к распутице брусчатку сделать, — сказал Пётр.

— Я на то четыре барки камня в Твери заготовил, — сразу пояснил Меншиков, — а они в гагаринском канале под Волочком на мелях застряли, никаким льдом не стащить. Пришлось до водополя ждать подъёма.

— Врёшь. Ты берег у своего дворца ими укрепил. Сво-ровал, значит.

— Да я за всякую копейку душой клянусь! — загоря-чился Меншиков.

Пётр не ответил. Он угрюмо разглядывал мертвеца на ви-селице. Голова казнённого была свёрнута набок; чернели провалы глазниц, расклёванных вороньём; зияла гнилая дыра на месте рта; из тряпья, точно коряги, торчали рас-пухшие чёрные руки и босые ноги. Уже и не узнать в этом адском чудовище былого человека. А ведь в прежние годы Пётр очень его уважал. Думал, что может опереться на его плечо — такой не предаст. Предал.

— Хочешь рядом с ним, Сашка? — Пётр кивнул на ви-сельника.

— Я тебя накормил, Лексеич, опохмелил, а ты меня за горло, — опять обиделся Меншиков. — Не по-царски это.

Петру безразлична была обида Сашки. Меншиков — такой же вор, как этот висельник. Вся разница — что ещё живой.

— Знаешь, Сашка, чего желаю успеть, покуда меня бог не приберёт?

— Чего? — настороженно спросил Сашка.

— Тебя как его вздёрнуть. Ты же одной с ним породы. Все вы мне опаскудели. Вы хуже бородатых.

Меншиков смолчал, не ответил — слишком серьёзен был Пётр.

А Пётр думал, что он умирает, а его город засасывают чухонские хляби, а его империя нужна только вора́м. Никуда его прекрасный фрегат не уплывёт из этой ижорской болотины, если его не спустить на большую воду. Пётр вспомнил «Леферм» на адмиралтейской верфи. Люди вроде Сашки Меншикова или того мертвеца на виселице — они будто кильблоки под «Лефермом». Фрегат нужно строить на кильблоках, но потом их надо убирать, вышибать из-под судна, иначе корабль не сойдёт со стапеля.

Пётр направил Лизетту прямо к висельнику. Меншиков опасно ехал на шаг позади. Кавалькада следовала за императором в тихом недоумении: зачем государь двинулся к этой мерзости? Пётр приблизился к мертвецу, остановил лошадь, вытянул из седельной кобуры длинноствольный пистолет и толкнул повешенного в сырое заплесневелое колено.

— Босой висишь? — издеваясь, спросил он у покойника. — Сначала ты сам воровал, а теперь и с тебя сапоги украли.

Мертвец покачивался от толчка, словно не желал отвечать. Вдруг прокисшая верёвка лопнула, и мертвец рухнул. Он тяжело шлёпнулся в лужу под виселицей, плеснув грязью. Петра обдало смрадом разложения. Лизетта испуганно шарахнулась в сторону и тряхнула государя, так что он чуть не вывалился из седла. В животе у Петра бултыхнулась острая боль. Офицеры и гвардейцы эскорта мгновенно выхватили шпаги и палаши.

— Тихо, Лизет! — прохрипел Пётр, стукнув лошадь пистолетом по шее.

Болело. Болело. Болело. Пётр бросил пистолет на землю, кряхтя, слез с лошади и облокотился на седло. Когда стоишь,

меньше режет... Сашка тоже спешился и подошёл к Петру с кожаной флягой в руке.

— Может, глотнёшь ренского? — с сочувствием спросил он.

Пётр повернулся, морщась, оттолкнул Меншикова, шагнул к мертвецу, лежащему в луже, и, не щадя себя, пнул покойника в бок.

— Ах ты иуда! — выдохнул он.

Движения разжигали боль, и Пётр яростно пнул мертвеца снова, а потом ещё и ещё. Мертвец дёргался в луже, словно был живой, а на виселице только притворялся мёртвым. Офицеры смотрели на государя с ужасом.

Боль раздирала внутренности, лицо Петра покрыла испарина. Меншиков мелко крестился. Пётр с ненавистью харкнул на мертвеца, вырвал из руки Меншикова флягу с вином и приложился к горлышку. Он уже не берёт себя. Он сам запрыгнул в седло, словно стал молодым и сильным, и оглянулся на свой эскорт.

— Сего изменника поднять и обратно на перекладину! — властно приказал он, указывая пальцем на труп посреди лужи. — Токмо теперь на железную цепь, дабы не истлела! И пусть три года висит всей державе для примера!

Офицеры эскорта выпрямились в сёдлах и, не находя слов, салютовали императору шпагами.

Пётр пришпорил кобылу и поскакал напрямик через площадь к зданию коллегий. Меншиков взлетел на коня и поспешил за государем. Мертвец остался лежать в луже под ингерманландским дождём. Его закостеневшая скрюченная рука торчала из грязи, будто мертвец благословлял императора.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пришедшие и взявшие

ГЛАВА 1

Шествие побеждённых

Они шли на восток бесконечно долго. В заунывном однообразии пути можно было поверить, что земная твердь скоро незаметно пойдёт под уклон, и они, идущие на восток, потихоньку окажутся уже в пределах преисподней. Но преисподняя никак не начиналась. Впереди под тучами один за другим медленно проступали из холодной снежной мглы какие-то сизые горные хребты, и всё продолжалась, всё тянулась, всё не заканчивалась эта непомерная Россия, неизбывная и неотвратимая, как Страшный суд.

Туда, в бездны России, брели вереницы пленных шведов. Санные дороги ползли сквозь глухие и непробудные леса, катились по льду неизвестных рек. Хлестал вьюгами тоскливый март 1711 года. По заметённым трактам в Сибирь шагали подданные короля Карла XII. Король гордо называл себя последним викингом, но никакие викинги, ни первые, ни последние, никогда не забирались в такую немыслимую даль: в страны Гога и Магога, в царство псоглавцев, в гибельную Гиперборею, за пределы Ойкумены.

Среди пленных были безбровые от артиллерийского огня канониры, у которых под стенами Полтавы полопались перекалённые стрельбой орудия. Были рослые grenадеры, которые на дымных лугах Ворсклы расшвыряли во врагов все свои гранаты, а потом бежали, обезоруженные. Были иссечённые шрамами мушкетёры, которые на редутах отбивали русские атаки, воткнув длинные штыки-багинеты

в горячие стволы мушкетов. Были усатые драгуны, у которых перед ретраншементом царя Петра картечью перебило лошадей. Были надменные офицеры, которые с поля боя отступили до берега Днепра и, настигнутые на переправе летучим русским корволантом, сдались, бросив свои шпаги под копыта казачьей конницы.

А ещё в Сибирь уходили обозники шведской армии. Они спасались бегством после поражения короля и увязли в болотах, заблудились в лесах. Это были повара, фуражиры, конюхи, лекари, писари провиантской службы, оружейники, фурманы, покинутые господами лакеи, цирюльники, бабёнки-маркитантки, солдатские жёны и вдовы, которым без войска некуда было приткнуться, полковые потаскухи, музыканты и карточные шулеры.

Их всех ждала Сибирь. В каморке московского Фельдт-комиссариата Табберту довелось-таки поговорить со старым графом Карлом Пипером, начальником королевской походной канцелярии, и граф, качая париком, грустно поведал, что их, каролинов разного калибра, в русском плену тысяча двадцать, а то и тридцать. Целая армия. И царь Пётр безжалостно отправил её осваивать дикие окраины своей неизмеримой державы.

Филипп Юхан Табберт фон Страленберг, капитан Померанского полка принцессы Ульрики Элеоноры, был отправлен на поселение в город Тобольск в составе команды из сотни военнопленных и десятка солдат конвоя. В зашитом кармане камзола Табберт нёс на груди рекомендательное письмо графа Пипера ольдерману шведской общины в Тобольске — капитану Курту фон Вреху. Команда Табберта вышла из Москвы уже год назад; в мае 1710 года шведы добрались до города Вятки, он же — Хлынов, и застряли там до Рождества. Русские власти не выплатили конвойным солдатам жалованья, а шведский Фельдт-комиссариат не выслал пленным денежного содержания, обещанного королём и риксдагом. Ссылным и их охранникам оставалось

просто сдохнуть с голода, поэтому они нанялись работать на пашни и покосы богатых монастырей Вятки. Осенью вятский комендант Степан Траханиотов пожаловался новому сибирскому губернатору князю Гагарину, что шведы не уходят в Тобольск, потому что у них и гроша на дорогу нет, а сидят в городе в съезжей избе и пьянствуют, поганцы, со своими нищими сторожами. Князь Гагарин был женат на дочери коменданта и внял жалобе тестя: прислал триста рублей на провиант и одёжу — дал шведам в долг из своего кармана.

И вот теперь пленные шагали по ледяной дороге реки Вишеры, по старому Сибирскому тракту — так зимой было ближе до города Верхотурье. Табберт догадался, что эти покатые лесные кручи вокруг с заснеженными скалами на вершинах — легендарные Рифейские горы, о которых рассказывал Птолемей, только нет здесь ни мрачных киммерийцев, ни свирепых скифов. Здесь живут русские, а страна здешняя — окраина Великой Татарии.

Табберт оглядывал своих товарищей. Уже и не узнать воинов короля Карла. Лица тёмные, обветренные, распухшие от холода. Многодневная щетина. И солдаты, и офицеры одеты в русские обноски: рваные армяки, облезлые полушубки, зипуны и тулупы, у которых прорехи выворачиваются грязной овчиной наружу. Камзолы — под рваньём. Поверх чулок и коротких штанов-кюлотов надеты плотные крестьянские порты. Башмаки с медными пряжками все шведы давно обменяли на войлочные сапоги с кожаными подошвами. На головах — жуткие русские треухи. Впрочем, Табберт и сам обматывал голову бабьим платком, но поверх всё равно водружал треуголку с кантом. Пускай жизнь скотская, нельзя превращаться в скотов.

Русские солдаты ничем не отличались от шведов, даже свои ружья они свалили в обозные сани, в которых везли провизию и скарб. Заиндевелые лошади тоже казались пленными. В их гривах и хвостах блестел лёд.

Краем уха Табберт прислушивался к ворчанью солдата Цимса, который придирался к жене — стройной, красивой и замкнутой женщине.

— Бригитта, я знаю, ты прячешь серебряный риксдалер, отдай его мне!

— У меня его давно уже нет, Михаэль, — сдержанно отвечала Бригитта.

Табберту не нравился Цимс. Здоровенный тупой рыбак из Сундсвалля, нанявшийся в армию, чтобы грабить и насиловать. На войне он начал много пить и даже в плену исхитрился найти себе пойло. В начале пути Табберта удивил его мундир: прорехи старательно заштопаны женой, но галуны ободраны, и вместо тридцати двух оловянных пуговиц со шведским львом — десяток деревянных русских пуговиц. Цимс пропивал всё подряд.

— Ты потеряла мои рукавицы, Бригитта. У меня мёрзнут руки. Это дикая страна, я её ненавижу. Отдай мне свои чулки из шерсти, я натяну их на руки.

— Не отдам. Я видела, как ты проиграл рукавицы в кости, Михаэль, — негромко и терпеливо отвечала Бригитта.

За Цимсом и его женой шли два русских солдата — старый и молодой. Старый солдат — его звали Савелий — на ходу курил трубку, а молодой — Юрка — грыз сухарь. Табберт уже неплохо понимал по-русски.

— Савелий, где сегодня ночлег?

— За Писанным камнем деревня. Вёрст пять ещё.

— На постоялом дворе или по избам?

— По избам.

— Давай затащим Бригитку к себе? Хорошая баба. Сначала ты мне её поддержишь, потом я тебе подержу.

— О чём-то, кроме баб, ты умеешь думать, Юрка?

— Старый дурак ты, Савелий, — огорчился Юрка.

— Это ты дурак. Ты на войне бывал?

— Ну, не бывал, и что? Я в Воронеже царское плотбище охранял.

— А они все бывали, — Савелий вытащил из-под усов трубку и указал чубуком на шведов. — Они живых людей кололи и рубили. Ты хочешь их обидеть? Ежели они забунтуют, нам не отстреляться, понял?

Табберт снисходительно усмехнулся. Что русские, что шведы — все они здесь ссыльные и подневольные. Плена нет, есть странная необходимость прожить часть жизни в этих отдалённых и гиблых краях. Так распорядился фатум. Ему, капитану Табберту, тридцать пять. Он в расцвете сил, он здоров, у него острый ум. Ему всё интересно. Значит, он должен суметь извлечь пользу из того, что людям попроще кажется несчастьем. Табберт думал об этом, потому что вереница пленных на льду реки напоминала ему другое шествие — позорный парад каролинов, устроенный в Москве царём Петром.

После всех побед Пётр решил увенчать себя триумфом, словно римский цезарь. О Риме Табберту красочно рассказывал товарищ в полку — капитан Яган фон Кронхельм. Яган, славный юноша, несколько лет проучился в Уппсальском университете, но бросил учёбу, вдохновлённый свершениями короля Карла, и ушёл воевать за монарха. Ягана убили под Полтавой.

Русские собрали несколько тысяч пленных в селе Коломенском близ Москвы, старой столицы государства. Царь Пётр сам составил регламент шествия. В Москве воздвигли семь триумфальных арок. Под клики народа через них должны были пройти победители и побеждённые.

Табберт помнил, как студёным декабрьским утром их, пленников, выстроили в колонну и приказали снять верхнюю одежду, чтобы горожане увидели красивые мундиры с блестящими галунами и шитьём, с застёжками-бранденбурами, с подвёрнутыми на крючки полами, с отворотами рукавов и плетёными кистями. Офицеры надели парики — пышные «львиные гривы». Гренадеры шли в высоких шапках-«стриюках» с медными пластинами на лбу.

Свежо и просторно разливался рассвет — клюквенно-водянистый, будто размороженный. Бронзовое ядро солнца топило синий лёд небосвода своим голым и горячим астрономическим телом и пунцово подсвечивало столбы печных дымов над снежными крышами. На подворьях предместья мычали коровы, брехали собаки, пели петухи. Издалека жидким стеклом наплывал слитный звон сотен московских колоколов. Город ждал зрелища.

Деревянная Москва оказалась безразмерной, как целая страна. Улицы, проулки, заборы, хоромы, заборы, хоромы, крылечки с лестницами, кабаки, сады, часовни, торговые лавки, башни, площади, поленницы, мосты, бани, церкви, частоколы, кладбища, дворцы, пепелища, виселицы. И толпы, толпы народа в громоздких и неуклюжих одеждах: краснорожие и бородатые мужики в шапках, толстые бабы, девушки с ярко нарумяненными скулами, священники, калеки, азиаты, старики с палками, дворяне на конях, купцы возле санных карет, мальчишки на крышах амбаров. Шествие двигалось сквозь город и гомон. Хрустел снег под ногами, скрипели ремни амуниции.

Впереди шли музыканты: били в литавры и дули в гобои. За ними гордо ехала конница и маршировали колонны Семёновского полка в треуголках, синих мундирах и красных чулках. Лошади в синих пополах везли пушки. Солдаты несли склонённые знамёна шведов, подметая ими снег, — яркие, разноцветные полотнища с крестами, львами и рыцарскими шлемами. Среди семёновцев на коне медленно ехал старый граф Адам Левенгаупт, генерал. Это он подписал капитуляцию под Полтавой. На нём был чёрный парик и мятая кираса. Его коня под уздцы вёл мальчик в кафтане семёновца.

А за стройными рядами гвардейцев, вызывая восторг толпы, ехали сани, запряжённые оленями, и в санях — царский придурок Выменка: французский шут Вимени, подаренный Петру польским королём Августом. Выменка

гримасничал подвижным морщинистым лицом, высовывал язык и кривлялся. Он изображал короля Карла XII. За шутом тащилась свита — два десятка калмыков, наряженных дикими самоедами, тоже на санях с оленями. Дескать, вот какой сумасброд этот шведский король. Потом Табберт узнал, что это было последнее представление Выменки. Ночью на царском пиру каждый из вельможных пьяниц хотел поднять чарку с «Карлушкой», и несчастного безумца Выменку запоили до смерти.

Царь Пётр был очень доволен своей выдумкой с шутом. Царь ехал на любимой кобыле Лизетте во главе Преображенского полка. На Петре был мундир полковника, в котором Пётр под Полтавой водил в атаку батальон, и шляпа, простреленная пулей. Преображенцы шагали в зелёных мундирах с алыми подкладами, с жёлтыми лентами через плечо, на руки они повязали банты. Среди них на коне, подобно генералу Левенгаупту, ехал надменный фельдмаршал граф Карл Реншильд — командующий шведской армией.

За преображенцами уже двигались пленные шведы, сначала генералы и полковники, затем офицеры рангом пониже, унтер-офицеры и солдаты — огромная колонна, составленная без разбора полков и родов войск. Над колонной возвышался граф Пипер, походный министр. Его везли на дрогах с огромными колёсами, он сидел в кресле, а перед дрогами пленные гвардейцы несли пустые носилки короля Карла и захваченный русскими королевский штандарт. Это означало, что шведский король — пустое место.

Бесконечная шумная толпа стояла по обе стороны улицы, по которой тянулось шествие. Табберт рассматривал этих людей. А русские упивались злорадством и превосходством. Они хохотали, свистели, тыкали пальцами, указывая на генералов и знамёна, улюлюкали, лепили снежки и швыряли в шведов. Снежки били пленным в грудь, в плечи, в спины, в лица, сшибали шапки. Самые точные и обидные попадания толпа встречала взрывами ликования. Офицеры злобно

отворачивались и ругались, вытирая платками кровь из разбитых носов. Честь не позволяла офицерам склонить голову, но солдаты горбились и прикрывались руками.

А капитан Филипп Юхан Табберт фон Страленберг — конечно, раздражённый снежным обстрелом — вдруг понял, что не чувствует себя униженным, как того хотел царь Пётр. Для русских пленные шведы были кем-то вроде лесных зверей, которых изловили под Полтавой и привезли сюда на потеху. Но зверинец оказался, так сказать, обоюдным.

Шествие текло сквозь триумфальные ворота. Проезды в них были устланы еловыми лапами. На крышах ворот вместо квадриг стояли оркестры и церковные хоры. Флейтисты, гусельники и ложкари играли что-то совсем дикое, певчие пели. В первых воротах государя под пушечные залпы встречали московские бояре. Во вторых воротах в окружении чиновников стоял князь Гагарин — комендант Москвы и губернатор Сибири. В третьих воротах царю кланялись дворяне, далее — купцы, далее — попы, в шестых воротах рыдала царица Марфа Матвеевна, в седьмых воротах, последних, с кубками в руках ожидали взмокшие от страха московские старшины.

Табберт шёл через ворота вместе с другими пленными и озирался, разглядывая эти громадные и нелепые сооружения. На белёных стенах русские художники намалевали латинские девизы — ошибка на ошибке — и разные поучительные аллегории: уродливые шведские солдаты с маленькими пушечками, толстощёкие ангелы с трубами, смешные львы, грызущие свои хвосты, чудовищный орёл, на котором летел мелкий русский царь. Табберт думал: вместо колонн — брёвна, вместо мрамора — доски... Римский триумф, изображённый варварами. Русские — галлы. Великий народ, но варварский. И галлам никогда не стать римлянами, даже если они разрушат Рим.

А сейчас шум и брань позорного парада уже давно остались в прошлом, но шествие побеждённых всё продолжалось

и продолжалось. Под ногами скрипел снег ледовой дороги, шуршали полозья саней, всхрапывали лошади, негромко переговаривались усталые люди, где-то вдали по густым лесам порой разносился почти призрачный шум от внезапного шевеления ветра. Табберту дышалось легко. Он приучился воспринимать голод как целебное благо, а потому чувствовал себя бодрым и уверенным. По узкому зимнему тракту шагала сотня пленных шведов вперемешку с десятком русских солдат и десятком лошадей с санями. Длинная извилистая река, хмурые еловые кручи, тысяча вёрст без дорог и почти без жилья... Погибнуть здесь было куда проще, чем на поле Полтавы.

Берег по левую сторону поднимался всё выше и, наконец, встал отвесно, будто пробудился, высунув острый скальный выступ, как колено из-под одеяла. С излучины Табберт увидел, что весь берег — высокая гора, такая огромная, словно была создана для моря, а не для реки. Она обрывалась в реку протяжённой грядой косых разновеликих утёсов. Между их каменных клиньев в тушу горы глубоко вваливались лога, заросшие хвойной шерстью. Мороз освеживал растрескавшиеся стены, прокалил пятна лишайников до нервного багрянца, иссушил щетину травы в расщелинах. В глухой толще белёсых известняков чудилось какое-то стиснутое отчаянье, даже воздух замер неподвижными ударами жути. Казалось, тяжёлое небо само подбирает свой облачный испод, перебираясь через рубеж, обжигающий стужей.

Но Табберт заметил и другое. На вытертой плоскости камня у подножия одного утёса красной краской врассыпную были начертаны странные знаки: круги, стрелы, кресты, олени с рогами, человечки. Так рисуют дети. Табберт, шурясь, с дороги всматривался в эти каракули, а потом догнал старого солдата Савелия и взял его за рукав зипуна.

— Савелий, кто рисовать? — по-русски спросил Табберт и указал на скалу.

— Там, что ли? — удивился Савелий и пожал плечами. — Да не знаю я. Камень Писанный, значит, писали на нём. Всегда было.

Табберт отстал от русских, дожидаясь товарища — Юхана Густава Рената, артиллерийского офицера.

— Посмотрите, господин штык-юнкер, — заговорил он по-шведски. — Вы тоже видите эти непонятные изображения на скале?

В самом начале войны с русскими капитан Табберт несколько месяцев прослужил в гарнизоне Гётеборга — риксдаг опасался, что Дания высадит в порту Гётеборга десант. И здесь Табберт услышал о петроглифах викингов на древних валунах, что лежат в сосновых борах на склоне холма Танум. Когда появилась возможность, Табберт нанял проводника с лодкой и отправился мимо шхер Скагеррака к удивительному холму. Он нашёл эти валуны. На шершавых каменных лбах и вправду были высечены знаки — стрелы, кресты, человечки, лодки... Такие же, как здесь, — на богом забытой скале. Табберта глубоко взволновало это необъяснимое сходство.

— Мне нет дела до русских скал, — раздражённо пробурчал Ренат.

— Вам не случилось видеть письма викингов на валунах Бохуслена? Готов биться об заклад, что эти линии чертила та же рука.

— Моя цель — выжить в этой проклятой стране, — глухо сказал Ренат. — А вы, господин капитан, не расходуйте себя на посторонние предметы.

Табберт понял, что Ренат замёрз и обессилел.

— Вы пали духом, господин штык-юнкер, — Табберт глядел на Рената внимательно и с сочувствием. — А ведь вы моложе меня. Возьмите, это поддержит вас до вечера.

Табберт расстегнул тулуп, достал из кармана сухарь и протянул Ренату. Пряча глаза, Ренат взял сухарь и сразу принялся грызть. Табберт усмехнулся, расстегнул камзол и вытащил

из-за пазухи своё сокровище — тетрадь для записей и грифель. Бумагу и кусок графита ему подарил господин Пипер.

Эти петроглифы следовало зарисовать. Для чего — Табберт ещё не придумал, но свидетельство о подобных удивительных изображениях когда-нибудь в будущем может оказаться очень ценным. Табберт сошёл с дороги, погрузился в снег и побрёл к скале, оставляя за собой борозду. Тетрадь он держал повыше, чтобы не замочить. Шведы и русские в изумлении оглядывались на безрассудного капитана фон Страленберга.

— Эй, шальной! — закричал Табберту солдат Савелий. — Ну-ка вернись!

— Да пёс с ним, — сказал солдат Юрка. — Жить захочет — догонит.

ГЛАВА 2

От бога ветер

В Сибири Юрку всё тяготило, и эта белая ночь с её обволакивающим жемчужным светом тоже казалась невыносимой. Юрка заворочался, сбросил с себя кафтан, поднялся и побрёл на корму дощаника. Там у длинной рукояти сопцового руля на обносном бруске боком сидел Ерофей и лузгал кедровые орешки. Юрка подобрал под лавкой берестяной ковшик, наклонился за борт, держась за становой трос от мачты-щеглы, и зачерпнул обской воды.

— Не могу спать, дядя Ерофей, — пожаловался он. — Измучился себя пристраивать. Свет этот негасимый прямо душу сосёт, глаза не закрыть.

— Лучше на полночном свету, чем в гнусе, — возразил Ерофей.

Спасаясь от гнуса, служилые люди ночевали в своём дощанике прямо на реке — на расстоянии от берега. Спустили

райну и спали на парусе, растащив его по доскам подмёта на дне. Плечи и головы от света укрывали армяками и кожухами. Судёнышко стояло на якорнице, тихая вода изредка плескала в просмоленный борт. Перо руля безвольно вытянулось вниз по течению. Служилые храпели, Ерофей караулил. Это был ладный невысокий мужичок, на вид сразу хитрый и добродушный, по-детски большеротый, с плотной и короткой русской бородёнкой.

— Как вы живёте тут, дядя Ерофей? — страдальчески спросил Юрка. — Почто господь такую нелюдимую землю создал? Вечный день этот, мошка...

— Ну, не за всё бог виноват, — рассудительно заметил Ерофей. — Остяки, инородцы здешние, говорят, что гнус — это пепел ведьмы, которую сожгли заживо. Он от сатаны. А от бога — ветер.

Неоглядная Обь простиралась на три стороны и таяла в розово-голубом бессолнечном мареве. С четвёртой стороны виден был длинный невысокий берег, по которому ползла синеватая пелена — всё, что к рассвету осталось от остяцких костров-дымокуров. Из пелены торчали рогатые макушки чумов остяцкого селения Певлор, к которому и плыли служилые. Дощаник сидел в Оби как влитой и даже не отражался в воде. Её и видно-то не было, этой воды, — лишь вдали на неосязаемой плоскости реки вдруг загорались пятна мягких отсветов и сразу исчезали. Пространство рассеивалось в тонкой и прозрачной пустоте, но влажно ощущалось в каждом вздохе.

— Ты сам-то откуда? — спросил Ерофей.

— Из Воронежа.

— А как в Берёзов занесло?

— Шведов привёл. Буду здесь куковать, пока с ума не сдвинусь.

В конце 1710 года турецкий султан объявил войну царю Петру, Дон оказался в опасности, и царю пришлось убрать оттуда тысячи шведских пленных, которые строили бастионы

Азова и рубили корабли на верфях Воронежа. А с Кубани, где правил крымский хан, мятежные игнат-казаки грозили ударить по Волге, и царь приказал уводить пленников с адмиралтейских плотбищ Астрахани, из Саратова, Сызрани и Самары. К тому же в феврале 1711 года раскрылся заговор шведов в Свяжжске. В общем, каролинов отправили подальше от соблазна бунта — в Сибирь.

Юрка думал, что они доведут шведов до Тобольска и вернутся в Россию. Не тут-то было. Тобольск был переполнен пленными. Обер-комендант Бибиков рассылал их по другим своим городам: в Берёзов и Тару, в Сургут и Нарым, в Томск, Иркутск и Братск, в Енисейск, Якутск и Селенгинск. У Бибикова не хватало тобольских служилых людей, чтобы конвоировать такую орду, и всех солдат, которые приходили с пленными, оставляли в Сибири. Вот так Юрка и угодил в Берёзов. На верфях в Воронеже ничего хорошего, конечно, он не видел, но там хоть ночи бывают, и теплее, и народу русского куда больше, и нет гнуса.

— Слышь, молодой, — окликнул задумавшегося Юрку Ерофей. — А что у вас там командиры говорят? У нас слух пустили, будто царь приказал всех наших служилых по-новому в солдатов перевёрстывать.

Ерофею было любопытно: что это за люди — солдаты? И чем их армия отличается от войска? Вдруг там лучше? Не дай бог, конечно. Обидно опять судьбу менять, ведь только-только устроился.

— Не знаю, — пробурчал Юрка. — Мне-то что?

— Не Петька-царь первым такое затевает. Не выйдет у него ни рожна, — уверенно заявил Ерофей.

Он спорил не с царём и не с Юркой, а сам с собой. Ему не хотелось, чтобы царь отменил служилых людей. Такое уже бывало. Дед рассказывал Ерофею, что давным-давно воевода Хилков хотел переделать служилых в рейтаров. Привёз из Москвы немецких полковников и полуполковников в бабьих платьях, привёз ружья на крюках

и мушкетоны с жаграми и принялся учреждать полки «иноземного строя». Не вышло. Потом — об этом Ерофею рассказывал уже отец — за перетряску взялся воевода Годунов. Урезал жалованье ротмистрам и майорам, отменил хлебную выдачу и начал строить линию крепостей, чтобы охраняться от степняков. Служилые вроде как должны были жить в этих крепостях и сами себя кормить. Тоже не вышло.

— У нас в Берёзове служилому человеку по прибору воевода пять рублей в год платит, шесть четей ржи и столько же овса. А солдату сколько?

— Солдатам, дядя Ерофей, совсем не платят. Ты же лошади не платишь.

— Лошадь и не сбежит. А служилый человек, ежели ему не платить, уйдёт через год, когда урочный срок закончится.

— Не знаю, как у служилых, а нас в солдаты на всю жисть забривают. Удерёшь — поймают и повесят. При мне повесили одного. Служи, пока тебя полковник не спишет. А списывают по старости или калек. Разве не знаешь?

Ерофей не знал. Служилых людей, беломестных казаков и стрельцов он знал, а солдат — нет. Когда восемь лет назад воевода Черкасский объявил по городам Сибири набор рекрутов в Тобольский и Томский полки, Ерофей Быков по прозвищу Колоброд пропал в туруханской тайге. Он считался «гулящим человеком», не приписанным ни к делу, ни к месту, и болтался от Мангазеи до Албазина. На Турухане он зверовал, но ушёл с промысла — слишком обдирали приказчики. Потом торговал с китайцами в Иркутске. Из Якутска плавал на кочах за моржом. Собирал ясак для воеводы Братска. Рыл серебряные жилы на Кольвани. Последним его занятием был Бикатунский острог. Ерофей вступил в казённую артель: рубил лес, рыл канавы, ставил башни и частоколы. А потом с Алтайских гор спустились джунгары и напали на острог. Всё сожгли, многих зарубили, Ерофей еле ноги унёс. Приплёлся в Берёзов, и тут повезло: воевода Толбузин принял его к себе.

— Так вы навроде казаков? — спросил Юрка.

— Казаки при своей земле, а мы — свора воеводова. Куда пошлёт, туда несёмся. Казаки без жалованья, но и подати не платят, а мы на коште.

— Хорошо вам, — позавидовал Юрка.

— Да разве же? — усмехнулся Ерофей. — Я-то, дурень, сам думал к вам в солдаты наняться. Авось выберут каким-нибудь майором — заживу!

— В армии командиров не выбирают.

— Ладно, не помирай. Может, перелициуют вас в Сибири?

— Ага, жди, когда рак свистнет, — вздохнул Юрка.

— Что за рак? — не понял Ерофей.

— Ну, рак. Который в реке живёт. Такой вот, — Юрка скрючил пальцы, изображая рачьи клешни. — Клешни, панцирь, хвост, усы.

— Тьфу, пакость, — суеверно сплюнул Ерофей. — Никогда не видел. У нас в Сибири таких тварей нету.

— А что там за ладья плывёт? — вскинулся Юрка, глядя Ерофею за плечо.

Ерофей встревоженно повернулся. Вдали в ясной мгле, словно между небом и землёй, висела тёмная муха — другой дощаник под парусом.

— Кажись, знаю, кто это, — шурясь, сказал Ерофей. — Бухарцы.

— Кто такие?

— Проныры хуже твоих раков. Буди робят.

Ерофей положил ладонь на рукоять руля. Кроме Ерофея с Юркой, в дощанике было шестеро служилых Берёзовского острога и есаул Полтиныч, командир. Служилые, просыпаясь, зевали, крестили рты, с хрустом разгибали спины, черпали из-за борта и умывались. К Ерофею пробрался Полтиныч.

— Почему думаешь, что бухарцы? — спросил он.

— Со стрежня сошли, значит, хотят причалить к Певлору. А кому туда надобно, кроме бухарцев? Да и время ихнее — лето.